

**ОТЗЫВ официального оппонента
о диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии**

Мясниковой Киры Александровны

на тему: «Проблема формирования немецкой культурной памяти 1950-х годов в творчестве участниц литературной «Группы 47»

**по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства
(культурология)**

Диссертационное исследование К. А. Мясниковой «Проблема формирования немецкой культурной памяти 1950-х годов в творчестве участниц литературной «Группы 47» посвящено генезису «культуры воспоминаний» в послевоенной ФРГ. По словам известного немецкого историка и специалиста по культурной памяти Алейды Ассман, на труды которой опирается автор диссертации, «... от нашей способности меняться ... зависит, будет ли у наших потомков будущее на этой планете» (Алейда Ассман. Предисловие к русскому изданию // Ассман Алейда. Европейская мечта. Переизобретение нации. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. - С. 12). «Способность меняться» связана, в том числе, и с «культурой памяти» – **главным объектом** исследования К. А. Мясниковой.

К. А. Мясникову интересует не только проблематика «коллективной» памяти в соотношении с памятью «индивидуальной», но и трансляция «... воспоминаний о трагедиях прошлого, представляющих собой культурные травмы для общества» (Диссертация, б). Тема эта представляется исключительно **актуальной** для современных гуманитарных наук, поскольку размышления о прошлом – это и взгляд в будущее. По замечанию известного российского историка П. В. Уварова, в 80-е-90-е годы прошлого века в европейской исторической науке возникли работы, сфокусированные на изучении символических значений образов прошлого и способов их использования (Павел Юрьевич Уваров. История, историки и историческая память во Франции // Отечественные записки. – 5 – 2004 /

<https://magazines.gorky.media/oz/2004/5/ictoriya-istoriki-i-istoricheskaya-pamyat-vo-franczii.html?ysclid=luqz1orzqk943134734>). «Символическое значение образов» военного прошлого, память об исторических катастрофах участвуют в формировании культурной идентичности, о которой размышляет К. А. Мясникова.

История явления и память о нем – взаимосвязанные, но не совпадающие феномены. Так, Вторая мировая война для поколений немцев конца XX-го – начала XXI-го веков – уже не история, а память (Диссертация, 5-6). Связанную с культурной травмой «историческую память» интересно исследовать, в том числе опираясь и на тексты писателей и поэтов. Эту попытку осуществляет в своей диссертации К. А. Мясникова.

Предмет исследования – «формирование культуры памяти 1950-х годов и отражение ее трансформации в западногерманской литературе на примере творчества ведущих участниц «Группы 47» (Диссертация, 7) – сформулирован грамотно и четко. Автор работы выбирает ключевой момент в послевоенной истории Германии, делая акцент на “Erinnerungskultur” как она запечатлена в художественных и публицистических текстах немецкоязычных писательниц, прежде всего И. Айхингер и И. Бахман. Обе писательницы принадлежат к австрийской литературной традиции. В диссертации отмечается, что австрийская мифология истории (Австрия – «первая жертва нацизма») «резонантна» западногерманской. Добавим, что в этот ряд входит и японский «жертвенный нарратив». Согласно мифологии японской истории несчастный народ «втянули в войну», ввергнув в «пучину милитаризма». Об этом интересно размышляет известный японист А. Н. Мещеряков (А. Мещеряков. Япония. В погоне за ветром столетий. М., 2022). «Жертвенный нарратив» – интересный и важный сюжет в работе К. А. Мясниковой.

Опора на произведения участниц «Группы 47» и, прежде всего И. Айхингер и И. Бахман, представляется совершенно оправданной. К. А. Мясникова делает акцент на особой женской версии «культуры воспоминаний». В работе предпринята содержательная попытка обосновать гендерную специфику немецкой «культуры воспоминаний». В отличие от мужчин женщины как правило, «боевого опыта» не имели. Как известно, «... нацистская идеология активно продвигала культ материнства, сводя «... положение женщины в системе Третьего рейха...» существенным образом к «... репродуктивной функции». Таким образом, женская «культура воспоминаний» о Второй мировой войне связана, прежде всего, с локацией (женщины находились в тылу) и с восприятием «войны изнутри». В тылу острее ощущалось «... столкновение «... ценностей, традиций и идеологий...», «... ценностный раскол...», часто уходивший «на второй план» на полях сражений. К. А. Мясникова убедительно доказывает, что женское восприятие прошлого и памяти о войне – «неоценимый источник с культурологической точки зрения» (Диссертация, 121). Эти соображения свидетельствуют о научной **новизне** рецензируемой работы.

Точной и обоснованной представляется основная **гипотеза** исследования, согласно которой «... литературное творчество представительниц «Группы 47» было не столько средством коммеморации, свидетельством прошлого, сколько инструментом «лечения», «терапевтической» проработки культурной травмы...» (Диссертация, 8). Литературные тексты К. А. Мясникова анализирует не с чисто филологической точки зрения, а в ключе культурологии, рассматривая их как «... носителей и трансляторов культуры памяти» (Диссертация, 169). Автор опирается на идеи А. Эрл, автора исследования «Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen. Eine Einführung». По мнению А. Эрл, «коллективную память» можно исследовать на материале разножанровых произведений художественной литературы. Эту концепцию разделяет и К. А. Мясникова.

Подкрепляя эти соображения, добавим, что о литературе «... как разветвленной памяти» интересно писал филолог С. Г. Бочаров (С. Г. Бочаров. О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти // С. Г. Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. - М., 2012. - С. 12).

К. А. Мясникова подчеркивает, что «... несмотря на национальную специфику» именно И. Айхингер и И. Бахман «... наиболее остро» обозначили «проблемы культуры памяти ФРГ в 1950-е годы». Примечательно, что «индивидуальная память» о войне в творчестве И. Айхингер связана с целым рядом специфически венских «мест памяти». Хотелось бы получить дополнительные пояснения о том, каким образом автобиографически окрашенные образы И. Айхингер («Четвертые ворота» Центрального кладбища, венские кинотеатры) оказываются репрезентативными для западногерманской культурной идентичности? Означает ли это, что вхождение И. Айхингер и И. Бахман в «Группу 47» означало «снятие» их австрийскости? Существует ли специфически венская “Erinnerungskultur”?

Во «Введении» к диссертации К. А. Мясникова четко и аргументированно определяет цели и задачи исследования, формулирует положения, выносимые на защиту. Особенно ценной представляется мысль о «терапевтической» «проработке культурной травмы» в произведениях представительниц «Группы 47» (Диссертация, 8).

Первая глава, посвященная теоретико-методологическим основаниям исследования, содержит ключевые положения, в дальнейшем получающие развитие в диссертации. К. А. Мясникова опирается на идеи культурологии, социологии, *memory* и *trauma studies*, исторической науки, литературоведения. Междисциплинарный подход к материалу свидетельствует о научном кругозоре автора. Специально отметим тезис о

перспективности изучения феномена забвения и культурной травмы в послевоенной истории Германии (Диссертация, 59).

Вторая глава «посвящена национальным особенностям немецкой «Erinnerungskultur» (Автореферат, 12). Теоретический ракурс исследования сменяется историческим. Привлекает внимание дифференцированный анализ проблемы «вины», феноменов «забвения» и «коллективного умолчания» (Автореферат, 12-13), сравнение «жертвенного нарратива» в ГДР и ФРГ (Диссертация, 103). Может быть, в этом контексте стоило рассмотреть позицию Т. Манна (доклад «Германия и немцы», 1945), который – в отличие от ряда послевоенных западногерманских историков – не считал приход Гитлера к власти исторической «случайностью» или эксцессом (Диссертация, 101). Напротив, Т. Манн полагал, что в немецкой культуре произошло «... злокачественное перерождение идей, которые всегда несли в себе зародыш ужасной гибели, но отнюдь не были чужды старой, доброй Германии, культуры и просвещения» («Германия и немцы»). Следовательно, никакого «... слома немецкого культурного кода» (Диссертация, 113) не было. Думается, что сопоставление «внешней» (Exilautoren) и «внутренней» (innere Emigration) точек зрения сделало бы характеристику послевоенной «культуры памяти» в Германии более объемной.

Третья глава работы посвящена «... западногерманской культуре памяти» в творчестве участниц литературной «Группы 47» (Автореферат, 14). Весьма редко в поле зрения отечественных германистов попадают тексты И. Шнайдер-Ленггель и Л. Ринзер. Анализ изображения прошлого в «Тюремном дневнике» и в повести «Ян Лобель из Варшавы» Л. Ринзер – сильная сторона работы.

К. А. Мясникова отмечает, что И. Айхингер, например, «... называет индивидуальное воспоминание «зефиром». Писательница сравнивает работу памяти с игрой в «лягушки»: воспоминание функционирует как брошенный камень, который сначала оставляет на поверхности воды следы, с каждым

разом все более слабые и затухающие, а затем камень тонет и следы пропадают» (Диссертация, 132). Привлекает внимание интересный анализ «музыкальности» в прозе и «радиопьесах» И. Бахман. «Травматическое воспоминание» в текстах И. Бахман передается посредством музыки (Диссертация, 151). Точным и справедливым представляется один из выводов автора: «... художественная литература способна сделать исторический опыт более доступным и живым для читателя, оказывая в сложные моменты истории терапевтический эффект.» (Диссертация, 169).

Высказанные в отзыве предложения и поставленные вопросы носят дискуссионный характер и не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства (культурология), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Мясникова Кира Александровна заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства (культурология).

Официальный оппонент:

доктор филологических наук, научный руководитель НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде, профессор департамента литературы и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук Нижегородского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород)

ЗУСМАН ВАЛЕРИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

10 апреля 2024 года

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена
диссертация:

10.01.05 «Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии»

Адрес места работы:

г. Нижний Новгород, Б. Печерская ул., д. 25/12, каб. 408

Тел.: +7 (831) 419-55-81 (доб. 6302)

E-mail: vzusman@hse.ru

Подпись научного руководителя НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде, профессора
департамента литературы и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных наук
Нижегородского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ – Нижний Новгород) В.Г. Зусмана удостоверяю:
руководитель/кадровый работник И.О. Фамилия